

Карл Проффер
Без купюр

Carl R. Proffer

The Widows of Russia

Notes for a Memoir
of Joseph Brodsky

Карл Проффер
Без купюр

Литературные вдовы
России

Заметки к воспоминаниям
об Иосифе Бродском

Перевод с английского

ВЛАДИМИРА БАБКОВА И ВИКТОРА ГОЛЫШЕВА

издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
П84

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Эллендея Проффер Тисли благодарит КРИСТИНУ РАЙДЕЛ за редактуру английского текста.

Проффер, Карл.

П84 Без купюр / КАРЛ ПРОФФЕР ; пер. с англ. В. БАБКОВА, В. ГОЛЫШЕВА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-17-098207-3

В воспоминаниях американского слависта, главы издательства “Ардис” Карла Проффера описаны его встречи с Надеждой Мандельштам, беседы с Еленой Булгаковой, визиты к Лиле Брик. Проффер не успел закончить много из задуманного, и книга о литературных вдовах России была подготовлена и издана его женой Эллендеей Проффер в 1987 году, уже после его смерти, но на русский переведена только сейчас. А заметки об Иосифе Бродском, с которым Карла и Эллендею связывала многолетняя дружба, полностью публикуются впервые.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-098207-3

- © Ellendea Proffer Teasley, 2017
- © В. Бабков (“Заметки к воспоминаниям об Иосифе Бродском”) перевод на русский язык, 2017
- © В. Голышев (“Литературные вдовы России”), перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
- Издательство CORPUS ®

Содержание

*Эллендея Проффер Тисли. Женщины,
смерть и русская литература*7

Литературные вдовы России

Надежда Мандельштам23

Елена Сергеевна Булгакова129

Любовь Евгеньевна Белозерская149

Лиля Брик161

Тамара Иванова181

Заметки к воспоминаниям об Иосифе Бродском193

Эллендея Проффер Тисли Женщины, смерть и русская литература

Позвольте вернуть вас в аналоговую эпоху. Летом 1982 года у Карла Проффера неожиданно обнаружили рак толстой кишки и сказали, что ему осталось жить три месяца. Благодаря пяти операциям и радикальной химиотерапии ему удалось прожить два года. За оставшееся время он решил написать эту книгу.

Ни в характере его, ни в биографии ничто не предвещало будущего интереса к русской литературе. Баскетбольная звезда в школе, он в одночасье сделался интеллектуалом. В семье Карла не было гуманитариев, о литературе он знал только то, что могла дать средняя школа на Среднем Западе. В 1950-х годах, когда он поступил в Мичиганский университет, ему надо было выбрать иностранный язык. Будущее нашло его в восем-

надцатилетнем возрасте, когда он стоял перед доской объявлений с образцами языков и впервые увидел русский алфавит. Его внимание привлекла буква “Ж”, похожая на бабочку, и он сказал себе: “Какой интересный алфавит”.

Изучение русского языка, естественно, привело к курсу русской литературы, предмета, о котором он не знал ничего. Карл, до того прочитавший очень мало художественных произведений, соприкоснулся с одной из великих мировых литератур и встретился с Пушкиным, Гоголем, Толстым и Достоевским — все на протяжении одного курса.

Так студент, который с его памятью и великолепной логикой мог бы стать, например, юристом, подпал под обаяние русской литературы и погрузился в нее со страстью. Баскетболист стал интеллектуалом и ученым, но психологически он оставался капитаном команды. Смелость и лидерские качества оказались очень важными в его дальнейших занятиях. Этим объясняется, между прочим, и то, что, не достигнув еще тридцатилетия, Карл вступил в переписку с Набоковым и был уверен в себе настолько, что послал этому известному своей придирчивостью автору рукопись “Ключей к «Лолите»”.

Карл с необычайной быстротой преодолел академическую полосу препятствий: он стал самым молодым доктором философии в университете и в 1972 году — самым молодым профессором. Он был превосходным

преподавателем, переводчиком и исследователем. Был требователен и вместе с тем старался, чтобы занятия у него доставляли удовольствие. Однажды, разбирая со старшекурсниками “Записки из подполья”, он дал пресс-конференцию от лица “подпольного человека”; студентам предлагалось задавать вопросы о чем угодно, а его импровизированные ответы — в соответствии с характером персонажа — были мрачными и параноидальными.

Слава Карла как литературоведа была неожиданной, как и многое в нем самом. По прихоти издательских планов три его книги в разных издательствах вышли одновременно. Это были: исследование сравнений в “Мертвых душах”, перевод подборки писем Гоголя и “Ключи к «Лолите»”. В рецензии лондонского *The Times Literary Supplement* 10 октября 1968 года говорилось, что в русском литературоведении появилось значительное лицо.

Книга Карла о сравнениях у Гоголя, писал рецензент, “явно основана на его докторской диссертации, но диссертация *профферирована*, т. е. увлекательна, энергична, и сквозь ученый аппарат просвечивает энтузиазм и оживленность самого критика... Публикация трех исследований, двух о Гоголе и одного о Набокове, в течение одного года — поразительное достижение для доселе неизвестного ученого”.

Вначале Карл занимался Гоголем и Пушкиным — подробно и глубоко изучал обоих писателей. Со временем он накопил огромное количество знаний обо всех

значительных писателях русского Золотого века. Позже, когда моей темой стал Булгаков, мы вместе переводили его пьесы и рассказы, и он принялся так же подробно изучать русских писателей XX века.

Его работы отличались ясностью, энергией и отсутствием ученого жаргона. И в них видна была уверенность, редкая в молодых исследователях. Он написал “Ключи к «Лолите»”, когда ему не было тридцати, и не смотря на то, что сам Набоков согласился прочесть рукопись, Карл позволил себе в книге такой пассаж:

Есть афоризм, приписываемый знаменитому русскому полководцу Суворову, я процитирую его по записным книжкам князя Вяземского: “Тот уже не хитрый, о котором все говорят, что он хитер”. Его можно метафорически и с полным правом применить к Набокову-художнику. Тайная основа и техническая сторона мастерства Гоголя спрятаны так глубоко, что критику почти невозможно их сколько-нибудь прояснить. Набоков же, кажется иногда, слишком много *думает*, и поэтому его можно анализировать.

В 1971 году мы основали издательство “Ардис”; об этом я написала в предисловии к книге “Бродский среди нас”, так что распространяться об этом здесь не буду. В мире подобных издательств не было: насколько я знаю, это было единственное издательство, печатавшее литературу другого народа (в оригинале и в пе-

реводах) и учрежденное иностранцами, людьми иной культуры.

Одним из первых наших изданий был *Russian Literature Triquarterly* — это была идея Карла и его любимое детище. Образцом для него послужил пушкинский “Современник”, и этот толстый журнал явился своего рода революцией в славистике. В нем печатались переводы, статьи, библиографии, и особый раздел был посвящен текстам и документам на русском языке.

Мы много раз ездили в Россию и познакомились со многими прекрасными писателями и учеными. Уже в 1972 году “Ардис” представлялся надежным местом для публикации за границей и стал играть активную роль в русском литературном процессе. Мы были совсем американцы, и поэтому нельзя сказать, что всегда понимали советский мир (хотя Карл полагал, что чтение Салтыкова и Гоголя — достаточная подготовка), но я бы сказала, что у нас было сильное чувство к людям и к их стране.

Долгие годы застоя и возобновление репрессий привели к полному гражданскому разочарованию. Тем не менее Карл предвидел конец советской тирании, пусть и в отдаленном будущем. Вот цитата из его речи на конференции “третьей волны” в Лос-Анджелесе в 1981 году, когда лишь немногие могли вообразить конец Советского Союза:

Советская система изменится. Меняется все, и ей этого не избежать, потому что она по сути лжива, посредственна и слаба.

Видеть в советском марксизме почти космическое воплощение зла — значит просто добавлять ей силы. Менее апокалиптический взгляд: СССР — это всего лишь самая большая в мире банановая республика. Как избавляются от диктаторов, присуждающих себе литературные (и разные другие) премии, хорошо известно. Неодостоевские заклинания насчет сил тьмы и опасности чересчур больших свобод для индивидуума не выдерживают критики.

Когда русские вполне это осознают, как поляки, новая революция может случиться чуть ли не вдруг.

Читатели могут удивиться, почему, будучи знаком со многими интересными писателями, Карл решил начать воспоминания с литературных вдов. Ответ будет связан с его отношением к женщинам вообще. Карл провел много времени в обществе соревнующихся мужчин и, может быть, поэтому часто говорил, что женщины лучше мужчин. Он был демократ по своему складу и искренне рассматривал женщин как равных — в то время, когда это признавали отнюдь не все. Его представление о роли женщины в обществе не ограничивалось только русскими делами: в 1982 году, когда у него диагностировали рак, он написал статью о Национальном институте здоровья, единственном месте, где согласились его

оперировать. Эту статью перепечатали многие газеты. В ней он утверждал, что самые важные люди в больнице — медсестры.

Вдовы, описанные в этой книге, отважные хрупкие женщины, бились за то, чтобы сохранить наследие писателей, которым грозило забвение в советской системе принудительной амнезии. Они проявляли героическую преданность и упорство в этой борьбе, и Карл относился к ним со всей внимательностью и уважением, какому заслуживают такие люди.

Одной из главных побудительных причин для написания этой книги было знакомство с Надеждой Мандельштам, вдовой великого поэта, автором двух замечательных книг воспоминаний. Чтобы подружиться с нами, ей пришлось преодолеть страх. Русские, не жившие в то время, могут не понять, как важно было доверять иностранцу, чтобы впустить его в свою жизнь. Нашим друзьям приходилось принимать решение, что они нам доверяют, а нам — быть осмотрительными, чтобы их доверие не обмануть. Нам очень повезло, что Надежда Яковлевна решила нам довериться, — повезло не только потому, что она всех знала и эти люди впускали нас в свой дом, но и потому, что, просто разговаривая с ней за чаем, мы общались к великой погибшей русской культуре начала XX века.

Меня Надежда Яковлевна поняла быстро, а немногословный, не сразу открывавший себя Карл вызывал у нее любопытство. В начале нашего знакомства она спросила его, верит ли он в Бога. Карл ответил, что он агностик, и она была разочарована. Когда мы подарили ей русскую Библию, она была озадачена и спросила Карла, почему он привез ей эту книгу, если сам неверующий. “Потому что для вас она важна”, — сказал он.

За годы поездок мы познакомились со многими русскими литераторами и были огорчены условиями их существования: в лучшем случае под цензурой, в худшем — в тюрьме. Насмотревшись на это вблизи, Карл пришел в ярость. Его трудно было рассердить, но гнев его бывал сильным и действенным: он определенно сыграл роль в нашем решении публиковать то, что не могло быть опубликовано в Советском Союзе, восстановить утраченную библиотеку русской литературы.

Трудно передать, до какой степени была насыщена русской литературой наша жизнь. В Энн-Арборе наши дети на лужайке играли летающей тарелкой с собаками, а в гостиной наши друзья ели пиццу и паковали книги; мысли же наши были заняты Россией и нашей работой для России, такой же реальной для нас, как все в нашем американском существовании. Из Энн-Арбора в Ленинград и Москву 20 лет тянулась невидимая нить, соединявшая нас с советским литературным миром. Рус-

ские писатели — и эмигранты, и советские — посещали нас или останавливались на время; с другими мы непрерывно переписывались.

Иногда мы были вынужденно включены в шумно разлаживающиеся частные жизни — большой источник комизма. За работой в поздние ночные часы родился сумасшедший домашний юмор “Ардиса”: “Конкурс двойников Мариэтты Шагинян” (номинировались и мужчины); конкурс “Найди Книппер на картинке” (*“Find the Knipper in the Picture”*) — надо было выбрать из множества портретов, живописных и фотографических, портрет долгожительницы — вдовы Чехова.

Карл был остроумным человеком с острым чувством абсурда и склонностью к мистификациям. Это проявлялось и в его ученых занятиях. Через много лет после его смерти молодой датский набоковед прислал мне отчаянное письмо: не может найти цитату из “Поминок по Финнегану”, которую Карл приводит в одном из примечаний в “Ключах к «Лолите»”. Такого отрывка в романе и не было. Карл его сочинил, но не на пустом месте: это был такой джойсовски-набоковский абзац, полный намеков на историю нашего знакомства и его ухаживания. Карл был бы доволен, а Набокова позабыло бы, что молодому бедняге датчанину пришлось *два раза* прочесть заумный роман Джойса.

В “Ардисе” мы вступили в своего рода общение и с русскими писателями прошлого — не только современниками, — в особенности с акмеистами и фу-